
ПОЭЗИЯ Н. МИНСКОГО: У ИСТОКОВ РУССКОГО ДЕКАДАНСА

Д.В. Кунцевич

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия

В статье охарактеризована философская концепция поэта Н. Минского, одного из родоначальников русского декаданса. Приводятся воспоминания современников о его текстах, оценки его личности и мировоззрений.

Ключевые слова: Минский, поэзия, декаданс, философия меонизма, индивидуализм.

Творчество Н. Минского изучено чрезвычайно мало. А между тем имя его в конце XIX — начале XX в. звучало довольно громко. Да и по сей день оно непременно возникает в историко-литературных трудах, где речь идет о литературе Серебряного века как одного (наряду с Д. Мережковским) из представителей (поэтов и теоретиков) нового направления в русской поэзии, именуемого декадансом. Одним из первых манифестов нового течения стала его статья «Старинный спор», опубликованная в киевской газете «Заря» от 29 августа 1884 г.

Уже заглавием статьи подчеркивалось, что речь идет о процессе, имеющем давнюю историю: «вспыхнул спор об искусстве, старинный, так часто замиравший и воскресавший в нашей литературе спор». Минский уточняет, что этот давний спор — проявление исторического противоречия двух взглядов на искусство: с одной стороны, «защиты самостоятельного значения поэзии и ее первенствующей роли», и борьбы «публицистики и науки против свободного творчества во имя общего блага» — с другой.

Эту мысль Минский развивает в другой своей статье «О свободе религиозной совести», где утверждается, что «по внутреннему сознанию, воля свободна: хочу, делаю такое-то движение; не хочу, не делаю. Но по свидетельству разума всякое явление есть необходимое следствие предшествовавших причин и, следовательно, все акты моей воли необходимы и не могут считаться ни добрыми, ни злыми, а лишь полезными и вредными» [1. С. 5].

Л. Гуревич, одна из издателей «Северного Вестника», писала в 1898 г. Эдгару Мешингу о новых течениях в русской литературе: «Во многих Modernen есть нечто истинно вульгарное в эстетическом и нравственном отношении. Всеядные не понимают, что такое гордость, что такое чистота формы, породы» [2. С. 10]. «Всеядными» названы здесь декаденты, которых, по мнению Л. Гуревич, публика не любит, не читает их стихи, из-за чего «Северный Вестник» переживает тяжелые времена. По мнению Л. Гуревич, все «всеядные» «разбивают старые формы — в них тесно... но они не ищут новой формы, они довольствуются отчасти старыми формами, отчасти — бесформенностью, какими-то случайными оболочками, и потому произведения их часто бывают с внешней стороны уродливы, как настоящие недоноски. Они готовы принять за новую форму — все, что не похоже на старую

форму, и довольны, если детище их является на свет бесполом, без волос и ногтей, или если им удастся создать существо с шестью пальцами вместо пяти» [2. С. 110]. Лишь одного из них, Н. Минского, Л. Гуревич выделяет из этого ряда, восхищается им, вспоминая, как в гимназии переписывала запрещенные стихи поэта-радикала, поэта гражданской и мировой скорби.

А. Волынский подтверждает слова Л. Гуревич: «Стихи его читались, вызывая уже неудовольствие либеральной публики, но создавая ему приверженцев или выдвигая сотоварищей среди литературных кружков» [3. С. 211]. Однако в это же время Волынский считает, что последующий период деятельности Минского, захватывающий 1890-е гг., был роковым для поэта: «Идеи его окончательно оторвались от того, что делает всякую душу сильною, — от невольного стремления к цельности, к возможному синтезу. Он вошел в сознательную двойственность, постоянно подчеркиваемую и непрерывно поддерживаемую, наперекор человеческому естеству, его философскими измышлениями. Теперь он весь в этой двойственности, в этом мираже бескровных понятий, в этом проклятии искусственной, хотя и сложной логики, истощившей всю его душу» [3. С. 211]. А. Волынский говорит о том, что слава Н. Минского все больше и больше бледнеет из-за того, что тот начинает изменять стихотворной форме, ударяясь в прозаическую беллетристику и критико-философские статьи, в которых гораздо легче агитировать за свои декадентские идеи.

О двойственности как философии, так и сущности самого Минского говорил и Г. Плеханов: «Я вполне верю, что душе г. Минского тесно „между обезьяной и лопухом“. Но иначе и быть не может: он придерживается такого мирозерцания, которое заставляет смотреть сверху вниз и на „лопух“ и на „обезьяну“. Он — дуалист» [4. С. 506]. В подтверждение этому можно привести следующий отрывок из «Религии будущего»: «Сам по себе каждый индивидуум представляет не монаду, как учил Лейбниц, а комплексную двуединую дуаду, т.е. неразрывное единство двух неслитных и нераздельных элементов — духа и тела, или, вернее, целую систему таких дуад, как большой кристалл состоит из мелких кристаллов той же формы».

А. Волынский писал о несомненном, но отнюдь не значительном, таланте Н. Минского: «Глубже и гораздо самобытнее, чем талант Надсона, талант Минского. Он тоже начал некрасовскими мотивами, с разочарованной гражданственности, в которой, однако, не было непосредственности и силы, но был какой-то головной энтузиазм. Никто не замечал грубых несовершенств его стиха, и к тому же в то время вопросы чистой художественности считались неуместными, почти компрометирующими для серьезной гражданской критики» [3. С. 210]. Л. Гуревич словно вторит ему: «Я написала Вам несколько страниц о поэте Минском, наиболее значительном в умственном отношении из всех них». В следующем письме она добавляет: «Его стихи интересны, но не трогают чувства. В нем слишком мало непосредственного» [2. С. 118]. Бальмонт в своем письме к Минскому от 29 декабря 1893 г. восхищается одним из его стихотворений: «Читал Ваше прекрасное стихотворение „Три Парки“, которое мне кажется чуть не лучшим Вашим стихо-

творением. Читал его многим своим приятелям, на всех производит такое же впечатление, как и на меня» [5. С. 191]. А ранее он предупреждал Минского, что тот губит себя своими сонетами, которые появляются в печати: «Публика находит в них именно полное декадентство. Иванов на днях будет их бранить в „Русских Ведомостях“ (я пришло Вам вырезку). Но для Вас, конечно, такое „осуждение“ должно быть приятно?» [5. С. 190].

Известно, что Минский вел переписку с В. Брюсовым, который строго критиковал творчество поэта. Б. Погорелова, сестра жены Брюсова, в своих воспоминаниях пишет: «Критиковал Брюсов строго, безапелляционно, но вместе с тем очень толково, так что всякий, кто хотел этого, мог кое-чему и научиться. Мало кто решился вступать с ним в спор» [3. С. 34].

Воспоминания о первой встрече Минского с Брюсовым мы находим в Дневниках последнего от 9 декабря 1898 г.: «Вечером был у Бальмонта, где были Минский и Сологуб. Минский — паукообразный человек, с черной эспаньолкой и немного еврейским акцентом. Говорил он пошлости и пустяки... Впрочем, говорили о стихах. Минский соглашался с моими словами о размере, но так ненужно соглашался. Я прочел „На новый колокол“ как пример; он хвалил; я с яростью должен был пригнуть голову, словно в благодарность, ибо что же было возражать. Бальмонт спросил, прочел ли он мою книгу. „Прочел“. — „А какое впечатление?“ — „Я ожидал более революционной...“ Наконец, он ушел» [6. С. 69]. Сложно не заметить, что Брюсов говорит с неприязнью о новом знакомом.

Многие стихи Минского публиковались в «Скорпионе», но далеко не все прошли в печать после отбора Брюсова. В 1900 г. Брюсов пишет в своем Дневнике: «Все „видные“ литераторы давали вещи отвергнутые или запрещенные. Зиночка Гиппиус — „Святую кровь“, отвергнутую „Жизнь“ и „Миром искусства“, Розанов — „Заметки“, которые отказался печатать Перцов, Чехов — рассказ, в котором сомневался, пропустит ли его цензура, наконец, Н. Минский — сонет, цензурою вычеркнутый из его „новых песен“. Последний, впрочем, мы не напечатали.хлопот по печатанию было много» [6. С. 119].

Минский, зная о строгости Брюсова, пишет в одном из своих писем от 13 января 1902 г.: «Присылаю же 5 стихотворений. Если много, соберите один или два, — сколько хотите. Только прошу Вас свой выбор сообщить мне» [7. Л. 1]. Почти год спустя он волнуется о выпуске своего сборника: «Не могли бы сообщить что-нибудь определенное об издании моих „Стихотворений“?» [7. Л. 3]. Из писем Минского ясно, что он доверяет критическому чутью Брюсова, но старается каким-либо образом повлиять на судьбу своих текстов: «Посылаю заметки, дополняющие одна другую... И предоставляю Вам решить окончательно: может быть, Вы выкинете две страницы и закончите на седьмой странице, там где я поставил карандашом два креста» [7. Л. 7].

Уверенный в себе и самолюбивый Минский приносит в дар Брюсову свой сборник «Новые песни», где мы находим на авантитуле дарственную надпись, сделанную рукой автора: «Валерию Яковлевичу Брюсову от искреннего почитателя... янв. 1901 г. Спб.», — на этом экземпляре множество помет строгого читателя.

Брюсов часто говорил, что Минский «плохо владеет стихом», что у него «совершенно нет чутья гармонии, размер его стихов зачастую противоречит содержанию». Чуткий слух не выдерживает сбивчивой рифмы, например, в стихотворении, где в слове «вихрь» зачеркнута «х» и исправлена на «хо»:

Вставайте, мертвые листы,
Осенний вихрь ищет вас
В полночный час.

В другом стихотворении Брюсов вносит изменение в строку, заменяя «мгле» на «пыли»:

Теперь умолкли и остыли.
Белея, спят в морозной мгле.

Последующие сборники Минского тоже подверглись критике Брюсова. Находим пометы критического характера и в изданном Н. Минским Полном собрании стихотворений в четырех томах.

Здесь опять мы сталкиваемся с тем, что некоторые стихи напоминают Брюсову творчество каких-либо других авторов: «В дни недуга» — Goethe, «Моя вера» — Гейне, «Лазурный грот» — Фофанов, «То, что вы зовете вдохновеньем...» — А. Толстой.

Комментарии эти часто резки, прямолинейны, но метки. У «Песни второй» («На Рейне») на полях написано: «не инт<ерсно>. читать скучно»; к «Вечерним размышлениям Агасфера»: «Неориг<инальный> разм<ер>, водянистый стиль»; в стихотворении «Ваш образ, вечно жить достойный» выделено четверостишие, а на полях написано «безобразие».

Следующее четверостишие обведено и сопровождается язвительным комментарием: «словно плохой перевод из плохого подлинника»:

О, когда в этот мир, полный трупов и смрадный,
Ты, толкнувши меня, сам укрылся, злорадный,
За покровом вещей, моим стонам чтоб внять,
(Хоть причин такой злобы нельзя мне понять)

Ранее, 16 августа 1898 г., в своих Дневниках В. Брюсов так пишет о поэтическом творчестве Н. Минского: «Горе вам, Минский и Мережковский и прочие старшие, ибо на великое вы посягали и ничего не совершили» [6. С. 63].

Н. Минский активно выступает не только как поэт, но и как философ, пожалуй, первым сформулировавший в своей работе «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни» (1890) те религиозно-философские искания, которые волновали его поколение. Здесь была изложена его религиозно-философская система меонизма, получившая дальнейшее развитие в последующие годы. Меонизм (от греческого *теон* — несуществующее) представляет собой попытку сочетать отдельные во всех исторических религиях элементы божественного, абсолютное бытие и абсолютное небытие. Только мысль об абсолютном небытии может стать источником истинной, незаинтересованной религии. Система меонизма оказалась существенной для нового движения. Главным же было утверждение религиозного

чувства связи личности с универсальным бытием; с этой поры становится универсальной категорией для символистов и связанных с ними кругами.

Меонизм — учение, постигнуть которое дано не каждому; так, Александр Биск пишет: «Зигфрид Ашкинази, будущий профессор мексиканского университета. Когда я привел его к Кругликовой, он храбро подошел к Минскому и с апломбом произнес: знаете, я пришел к меонизму. Минский, хитрая bestия, посмотрел на него как-то боком и только произнес: да?» [8. С. 388].

Минский в противовес отечественной традиции народолюбия, самопожертвования, которая, по мнению Минского, ведет к растворению личности в массе, отречению от индивидуальности и творчества, «поднимает мятежное знамя» индивидуализма: «Любить ближнего, конечно, лучше, чем ненавидеть его, но каким образом верховная цель моей жизни может заключаться в любви к такому же бесцельному и жалкому существу, как я сам? Ведь ближнего нужно любить, как самого себя. Ну, а если самого себя презираешь — что тогда?» [9. С. 13]

В работе Минского мы находим объяснение значений бытия-небытия через призму восприятия человека: «Каждый любит только себя, потому что любить можно лишь одно: бытие, или вернее, чувство бытия, сознание жизни, благодатной, мистически-отрадной жизни, равно как ненавидеть можно лишь небытие» [9. С. 17].

Лишь в самобытии проявляется счастье, но есть разные типы людей, которые либо помогают, либо мешают человеку его обрести: «Одни помогают мне проявлять мое самолюбие, другие — мешают в этом» [9. С. 17]. Минский называет любовь к жизни самолюбием, которое не является пороком, а лишь естественным состоянием человека: «Человеку, даже благороднейшему, также невозможно отречься от своего самолюбия, как оленю, и быстрейшему, нельзя обогнать самого себя» [9. С. 17].

По мнению Минского, человек не в силах помочь ближнему своему по простой причине: «Над людьми уже отяготело проклятие страшнее твоего: питать свое тело мертвечиной других тел, а свою душу — унижением других душ и при этом притворятся любящим» [9. С. 37]. Притворство — неизбежный спутник высших ступеней развития.

Презрение к самолюбию начинается с того самого момента, когда человек понимает, что он любит нечто, обреченное на тлен, мрак, смерть, вечное небытие (что становится основой принципов декаданса): «Я знаю, что причина моего небытия таится ни в чем ином, как в моем теле, в моем сердце, которое в эту минуту бьется для блаженства жизни и через час, может быть, будет разгонять по моим жилам смертельную отраву» [9. С. 41]. Там же Минский добавляет, развивая свои мысли о тленности бытия: «Если бы меня привязали к трупу и так заставили жить, всюду волоча его за собой, — мне бы не было тяжелее, чем теперь, когда я ощущаю труп в себе, в своей крови, в мозгу, в каждом атоме тела, вот этого теплого, жизнерадостного тела, которое скоро должно превратиться в нечто холодное, влажное, зловонное, оскорбляющее свет, нетерпимое для чувства. Совесть ополчается на самолюбие не во имя нравственного идеала, а во имя страха смерти»

[9. С. 41]. Страх смерти и неприятие тленности бытия ярко выражены в лирике декадентов, для которых истинное блаженство заключается в осознании полноты своего бытия как некоего дара.

Душа, слушаясь совести, обретает мерило мыслей и поступков, ясно видит цель, для достижения которой стоит пострадать. На этой ступени развития человек твердо различает добро и зло, самолюбие и любовь к ближнему, нравственное и безнравственное. Он, например, знает, почему именно забота о детях нравственнее, чем забота о себе самом: потому что в детях продляется его бытие. Он твердо знает, почему следует жертвовать семьей ради государства: потому что государство долговечнее семьи.

По мнению Н. Минского, «вечного бытия нет», и, развивая эту мысль, он добавляет: «Полного бытия нет, — всякий поклоняется своей пользе, своему самолюбию, но самолюбие бывает дальнорукое и близорукое, — первое мы называем добром, а второе — злом» [9. С. 62]. Душа раздвоилась, стремление к правде и стремление к истине вступили между собой в междоусобную борьбу, неизбежную и непримиримую. Истина разума и правда совести роковым образом отрицают, уничтожают одна другую.

В теории Минского нетрудно увидеть соединение различных идеалистических учений: от восточной мистики и Платона до кантовой «вещи в себе».

Рассуждая о мезонизме Минского, Л. Гуревич пишет: «В упрощенном виде мысль его состоит в том, что единство несовместимо с множеством и потому Бог, единое абсолютное бытие, желая „уступить место“ живому множеству явлений, распался на них. Абсолютное бытие — хотя бы в смысле буддистской нирваны (не подлежит сомнению, по всем новейшим источникам для ознакомления с буддизмом, что нирвана имеет смысл абсолютного бытия) превратилось в абсолютное небытие» [2. С. 117]. Гуревич говорит о том, что в человеке сохраняется нечто от Бога, например, тоска по идеальному.

Главным критерием художественности Минский признавал искренность художника, творческая личность которого обожествлялась. Н. Минский, как позже В. Брюсов, считает основным признаком художественной деятельности стремление раскрыть свой внутренний мир для всех. Произведения искусства, таким образом, становятся созданными личностью этическими ориентирами человечества.

Основным принципом искусства декаданта, заявленным в программах и стихах, является доминирование творца над объективной реальностью. Человеческое счастье — толчок к прогрессу, но оно может быть достигнуто лишь при условии общего счастья индивидуумов, но для этого необходимо удовлетворить не только физические, но и духовные потребности человека.

Как пишет Минский, «мезонизм учит, что мир движется и борется, умирает и воскресает, наслаждается и страдает для того, чтобы постоянно, в каждое мгновение, отрицать себя во имя той святыни, которая, из любви к миру, сама себя повергла в небытие» [9. С. 251].

Работу «При свете совести» можно лишь условно назвать «трактатом», так как границы научно-теоретического изложения и художественного творчества здесь размыты. Темы, образы, стилистические приемы указанной книги имели непосредственные связи с его стихотворными произведениями. Хотя Брюсов был иного мнения: «Занятия философией как-то убивают поэзию. Поэзия требует для себя известной наивности мысли. Ум, искушенный метафизическими тонкостями, отказывается от приблизительности стихотворного языка» [6. С. 49].

В своих Дневниках Брюсов пишет о «новой религии» Минского: «Еще раз был у Минских — долго. Минский говорил „философские разговоры“ о пространстве etc. Отрицал Вл. Соловьёва. — Разве это философ? просто милый человек. В первый раз слышу о философии, основанной на стыде. Стыдная философия. Жаловался, что его „философию религии“ не прочел никто. Я выдумал, что видел где-то в библиотеке экземпляр „Мира искусства“, где его статья испещрена заметками. Он был доволен» [6. С. 144].

М. Гофман писал следующее о неординарном творчестве Минского: «Мне пришла мысль написать книгу о новых поэтах... Мы считали необходимым включить в книгу и Минского (это была ошибка), но никто из нас не считал его поэтом и не хотел писать о нем, поэтому мы уговорили товарища Пяста — Анатолия Попова, маленького и милого человека, — написать о Минском» [3. С. 375]. Слова эти служат доказательством того, что писать о творчестве Минского чрезвычайно сложно. Мнения его современников абсолютно противоположны. Но для того, чтобы по достоинству оценить поэзию и философскую систему Минского, нужно изучить не только принадлежащие ему тексты, но и их восприятие современниками.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Минский Н.М.* О свободе религиозной совести. — СПб., 1902.
- [2] Русские Modernen — Зинаида Гиппиус и Николай Минский: (Из писем Любови Гуревич к Эдгару Мешингу) / Вступ. ст. и коммент Павловой М.М. и Рабиновича С.; Подгот. текста Павловой М.М. и Яковлевой К.В. // Рус. лит. — СПб., 2010. — № 2. — С. 100—128.
- [3] *Вольнский А.Л.* Книга великого гнева. Критические статьи. — Заметки. — Polemica. — СПб.: Труд, 1904.
- [4] *Плеханов Г.В.* Эстетика и социология искусства: В 2 томах. Т. 1. — М.: Искусство, 1978.
- [5] Письма К.Д. Бальмонта к Н.М. Минскому / Публ. Куприяновского П.В. и Молчановой Н.А. // Рус. лит. — СПб., 1993. — № 2. — С. 187—192.
- [6] *Брюсов В.Я.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002.
- [7] НИОР РГБ. Ф. 386. В.Я. Брюсов. Картон № 80. Ед. хр. № 12.
- [8] Воспоминания о Серебряном веке. — М.: Республика, 1993.
- [9] *Минский Н.М.* При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни. Издание 2. — СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1897.

LITERATURA

- [1] *Minsky N.M.* O svobode religioznoy sovesti. — SPb., 1902.
- [2] *Russie Modernen — Zinaida Gippius i Nikolay Minsky:* (Iz pisem Lubovi Gurevich k Eduardu Meshengu) / Vstup. st. i comment. Pavlovoy M.M. i Rabinovicha S.; Podgot. teksta Pavlovoy M.M. i Yakovlevoy K.V. // Rus. lit. — SPb., 2010. — N 2. — S. 100—128.

- [3] *Volynskiy A.L.* Kniga velikogo gneva. Kriticheskie stat'i. — Zametki. — Polemika. — SPb.: Trud, 1904.
- [4] *Plehanov G.V.* Estetika i sociologiya iskusstva: V 2 tomah. T. 1. — M.: Iskusstvo, 1978.
- [5] Pisma K.D. Bal'monta k N.M.Miskomu / Publ. Kupriyanovskogo P.V. i Molchanovoy N.A. // Rus. lit. — SPb., 1993. — N 2. — S. 187—192.
- [6] *Bryusov V.Ya.* Dnevnik. Avtobiograficheskaya proza. Pis'ma. — M.: Olma-Press Zvezdnyj mir, 2002.
- [7] NIOR RGB. F. 386. Bryusov V.Ya. Karton № 80. Ed. khr. № 12.
- [8] *Vospominaniya o Serebryanom veke.* — M.: Respublika, 1993.
- [9] *Minsky N.M.* Pri svete sovesti. Mysli i mechty o celi zhizni. Izdanie 2. — SPb.: Tipografiya Yu.N. Erlix, 1897.

POETRY OF N. MINSK: AT THE SOURCES OF THE RUSSIAN DECADENCE

D.V. Kuntsevich

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article described the philosophical concept of N. Minsky, the poet, one of the ancestors of the Russian decadence. There were the examples of the memoirs of his contemporaries about his texts, the evaluation of his personality and ideology.

Key words: Minsky, poetry, decadence, philosophy of the meonism, individualism.